

06.03.2017

Стратегия должна убедить элиты, что игра стоит свеч

Глава ЭЭГ Евсей Гурвич о том, какая экономическая стратегия нужна России
Рустем Фаляхов 06.03.2017, 14:09

Рамиль Ситдиков/РИА «Новости»

Проблемы, накопившиеся в экономике России, остаются нерешенными многие годы вовсе не потому, что они не осознаются обществом или неизвестны экспертам. Причина в другом: в реформах не заинтересована элита, та ее часть, которая извлекает выгоду из статус-кво. Новая экономическая стратегия, которую готовит для Кремля экс-министр финансов Алексей Кудрин, тоже не панацея. О том, что делать в этой ситуации, рассказал «Газете.Ру» глава Экономической экспертной группы (ЭЭГ) Евсей Гурвич.

Госкомпании ведут бизнес по понятиям

— Евсей Томович, российская экономика действительно нащупала дно? Впереди, уверяют власти, опять рост?

— Российская экономика перестала падать еще где-то в середине 2016 года. В конце прошлого года и начале этого года наметился рост. Но этот рост в основном определяется тем, что после соглашения об ограничении добычи нефти резко повысились цены на нее, за счет чего наша экономика получила сильный толчок. Поэтому не надо обольщаться этими хорошими показателями последней пары месяцев.

Для России остаются вполне актуальными те прогнозы, которые давал МВФ, и которые, собственно, все эксперты разделяют: без серьезных реформ, без изменения экономической политики наш потенциал — это 1,5% роста в год, что можно назвать состоянием стагнации.

— При нынешней стоимости нефти?

— Да, если не будут расти цены на нефть (а какого-то устойчивого их роста никто и не ожидает), то стагнация продолжится. Если цена на нефть будет расти, то ВВП может увеличиться больше чем на 1,5%. В этом году, если сохранится нынешняя цена на нефть, можно ожидать 2% роста, а то и больше.

— Уточните все же: стагнация или рост на 2%?

— Наша экономика зависит от цен на нефть, поэтому нужно смотреть не отдельно взятый год, а в среднесрочном периоде. В какой-то момент цена на нефть вырастет, потом вновь упадет. Соответственно, в один год будет рост экономики на 2,5%, в другой — на 0,5%.

— **В чем, по-вашему, главные причины ожидаемой стагнации российской экономики?**

— Проблемы столь серьезны, что имеет смысл сосредоточиться на главных. Прежде всего это избыточное участие государства в экономике, доминирование в ключевых секторах государственных или квазигосударственных компаний, которые работают явно по нерыночным принципам. У них очень слабые стимулы повышать эффективность: госкомпаниям проще договориться о льготных кредитах, налоговых льготах, получении какой-то господдержки.

Ключевое условие развития — защищенность прав собственности. У нас очень низкие, по сравнению с другими сопоставимыми странами, показатели защищенности собственности. Не говоря уже о развитых странах, с которыми даже нет смысла сравнивать себя.

Более того, чем больше ты генерируешь прибыли, тем выше вероятность потерять бизнес — вместо стимулов действуют антистимулы.

Другой важный фактор — это свободный допуск на рынки. Сейчас, чтобы серьезная компания вышла на какой-то рынок, она должна договариваться с региональными властями. А чтобы получить крупный государственный заказ, нужно иметь рабочие отношения с федеральными или региональными властями. Важной опять оказывается не эффективность бизнеса, а другие факторы. Но если рост эффективности производства не поощряется, откуда ему взяться?

Пенсионеров столько же, сколько работников

— **Тогда мы подходим к главному вопросу: что делать, чтобы удвоить рост нашего ВВП до среднемирового, о чем не первый год мечтают в Кремле? Возможно ли это в принципе, учитывая геополитическую составляющую, которая, похоже, не оставляет шансов на рост?**

— Геополитическая составляющая важна, но я не думаю, что она главная. Более важную роль играет даже не прямой эффект наложенных санкций (который вначале был достаточно весомым, но сейчас ослабляется). На нынешнем этапе важнее неопределенность и риски, связанные с геополитическими проблемами: для участников экономической деятельности важно понять, куда Россия будет двигаться с точки зрения отношений с остальным миром. Мировой опыт показывает, что без глубокой интеграции в мировое хозяйство ни одной стране не удалось успешно развиваться.

Но есть еще множество необходимых реформ: макроэкономических, структурных и институциональных. Одни должны решать назревшие текущие проблемы, другие — отвечать на долгосрочные вызовы. Как, например, реагировать на неблагоприятные демографические тренды?

— **Старение населения?**

— Да, старение, на которое мы до сих пор не реагировали, в отличие от других стран. Могли не реагировать благодаря растущим ценам на нефть, но теперь придется это делать.

Число пенсионеров уже почти сравнялось с числом работников. Но мы не можем все деньги тратить на пенсии. У нас и так очень быстро растет доля социальных расходов в структуре госрасходов.

Кроме того, мы вступили в период сокращения предложения труда, рабочей силы. Если, опять-таки, ничего не делать, это будет серьезным сдерживающим фактором для развития. Одним только повышением пенсионного возраста эту проблему не решить. У нас избыточная численность бюджетного сектора по сравнению с другими странами, избыточная численность

вооруженных сил, правоохранительных органов. Необходимо переходить на профессиональную армию, повышать мобильность рабочей силы, отказываться от поддержки неэффективных предприятий, которая часто проводится по социальным соображениям, чтобы не росла безработица. Нужно вообще переориентироваться с борьбы с безработицей, которая в ближайшее время нам не грозит, на поддержку роста и на трудосбережение.

— А инвестиции в человеческий капитал? Эта тема подается как одна из ключевых в каждой стратегии, кто бы ее ни сочинял. Но понятно же, что отдача от таких инвестиций не будет быстрой. Может быть, отказаться от этих модных фишек и сосредоточить внимание и ресурсы на тех направлениях, которые дадут быстрый эффект? Не в 2035 году, а, условно говоря, завтра?

— Нет, я так не думаю. Конечная цель любой стратегии — чтобы люди жили лучше. И дольше. Если говорить об инвестициях в здравоохранение. Инвестиции в образование тоже имеют и самостоятельную ценность и в перспективе способствуют росту экономики.

Угроза брежневского застоя отрезвляет

— А инвестиции в инфраструктуру? Все эти мегапроекты транспортные... Это же «белые слоны». Вложений требуют гигантских, отдача неочевидная и очень в отдаленном времени...

— Я не думаю, что нужно ограничиваться решением сиюминутных задач. Стратегия на то и есть стратегия, чтобы увязывать текущие и долгосрочные задачи. Потребность в развитии инфраструктуры у нас очень большая. Другой вопрос, насколько эффективно сейчас это все проводится. Надо изыскивать ресурсы для развития инфраструктуры и одновременно повышать эффективность расходов.

— Большинство проблем, о которых вы говорите, обсуждается уже давно, однако прогресса не видно. Какой тогда смысл работать над очередной стратегией? Вы были соавтором «Стратегии-2020». Она благополучно забыта...

— Часть мер, предложенных «Стратегией-2020» и другими программами, была реализована. Но многие выдвинутые тогда идеи действительно так и остались на бумаге.

— И поэтому Кудрину поручено написать новую стратегию?

— С тех пор ситуация кардинально изменилась. Если раньше экономическая программа выглядела необязательной роскошью, то после падения цен на нефть (причем явно надолго) это стало жесткой необходимостью. Но это не значит, что на этот раз все пройдет на ура.

— Получается так, что, какую стратегию ни сочини, Кудрин ее напишет или бизнес-омбудсмен Борис Титов, она не будет востребована? Если у правящей элиты нет заинтересованности в ее реализации.

— Все намного сложнее. Я уверен, что часть мер из новой программы ЦСР будет реализована и даст положительный эффект. Но, конечно, для того чтобы довести темпы роста до мирового уровня, нужно, чтобы прошли и начали работать многие необходимые, но непопулярные решения. Если такие реформы были отброшены в 2012 году, в составе «Стратегии-2020», это не означает, что то же самое повторится и сейчас. Новая программа может оказаться выгодной для всех — но в будущем, когда проявятся ее результаты.

Угроза застоя теоретически может сделать элитные группы более «дальнозоркими», чем это обычно свойственно им. Такая ситуация была после финансового кризиса 1998 года, когда появилось понимание, что «так дальше жить нельзя» и открылось окно возможностей для реформ, многие из которых удалось провести в рамках «программы Грефа».

— **Уж сколько их упало в эту бездну, этих программ и стратегий. Только даты меняются и цифры: «500 дней», «Стратегия-2020», «Стратегия -2035»... Уже скоро пора сочинять «Стратегию-2040».**

— Судьба любой экономической программы определяется не только (и даже не столько) ее чисто экономическим содержанием. Не менее важно, на какие изменения готовы пойти властные элиты и насколько предложения реформаторов вписываются в возникшее окно возможностей.

— **Мы говорим о позиции элит, но забываем еще про одну сторону — о нас, о гражданах. Гражданам России придется поднапрячься и в чем-то себя ограничивать, если стратегия того же Кудрина будет принята?**

— Не совсем так: в начальный период кто-то выиграет, а кто-то может проиграть, но в перспективе все должны оказаться в выигрыше. Здесь две проблемы: все опасаются, что реформы будут проведены за их счет, и боятся, что не дождутся обещанного в будущем улучшения ситуации. Таким образом, многое зависит от двух моментов — уровня доверия и уровня амбиций граждан. К сожалению, по обеим линиям ситуация не благоприятствует реформам.

Социологи говорят, что для наших сограждан характерны, во-первых, низкий уровень доверия к правительству и, во-вторых, низкий уровень притязаний...

— **Лишь бы не было войны?**

— Главное — не упустить имеющуюся в руках синицу. Значит, со стороны большинства населения (электората) не приходится ожидать прореформенного давления на власти. Скорее наоборот, придется убеждать их в критической необходимости изменений.

Стратегии нужна политическая поддержка

— **А что в идеале нужно делать, чтобы стимулировать экономический рост и жизнь наладилась бы, в конце-то концов? Как член рабочей группы президентского совета или как эксперт, который профессионально занимается экономикой, что вы можете сказать?**

— Кроме всего, что говорилось выше, я бы еще поменял идеологию разработки программы.

— **Очень интересно...**

— Должна быть пирамида. Процесс должен начинаться с принимаемой на верхнем уровне политической программы, описывающей общее направление долгосрочного развития. По типу, например, программы «Сто шагов», принятой в Казахстане. Понятно, что это должно быть не декларативное заявление, а реальное политическое решение, согласованное с группами влияния, приемлемое для них.

— **Национальная идея?**

— «Идея» звучит пафосно, а нужно что-то прагматичное. Элитами должна быть выработана концепция развития страны. Куда мы хотим идти и какую цену готовы заплатить за динамичное развитие. Без этого экономическая программа может подвиснуть, если окажется не подкреплена настоящей политической поддержкой, как произошло со «Стратегией-2020».

— Сейчас ситуация повторяется?

— Этого нельзя совсем исключить, поскольку по-прежнему нет явного политического документа, как «100 шагов». На мой взгляд, это несколько снижает шансы на успех, но вовсе не означает, что их вообще нет.

И еще я бы отказался от излишней детализации программы. Толстой в «Войне и мире» писал, что перед Бородинской битвой генералы составляли замечательные диспозиции, но ни одна колонна не пришла в нужное время на свое место, поэтому они оказались бесполезны. Наверное, и в экономической программе, как в диспозиции, нужно было бы писать более крупными мазками общие направления действий.

Впрочем, если говорить не об идеальной, а о реальной ситуации, программа выполняет еще одну важную функцию — она должна убедить властные элиты, что игра стоит свеч и все непопулярные меры действительно оправданны. А для этого важно предъявить более детальный и конкретный план.

— И правительство должно потом набираться под экономическую программу, так?

— Да, и оно уже должно превращать программу в список мер прямого действия. Возвращаясь к образу стратегии как пирамиды... Она должна состоять из трех уровней: политической программы, экономической стратегии без избыточной детализации и, наконец, конкретного плана действий правительства. Будем надеяться, что когда-нибудь у нас именно так будет формироваться экономическая политика.